

С тех пор как Хуа Ию вернулся из дворца после порки, он всё лежал, уткнувшись лицом в подушку и выставив кверху зад, даже есть отказывался.

— Какой позор, — тихо бормотал он себе под нос.

Лэн Цзилинь, сидя у кровати, наблюдал за этим ворчащим существом. Вспомнив, как вчера Хуа Ию плакал и жаловался на боль, он невольно улыбнулся.

— Вставай, нужно поесть.

— Не хочу.

— Если не будешь есть, раны будут заживать дольше.

— А я всё равно не буду.

— Завтра ты должен вернуться в дом отца, навестить тестя. Неужели не поедешь?

— Скорее... вели подать еду! — Хуа Ию приподнял голову и засуетился.

— А-а... — неосторожное движение отозвалось острой болью в ранах.

— Куда ты спешишь? — Лэн Цзилинь подался вперед, желая проверить, не разошлись ли швы.

— Не надо, нет, я в порядке, — Хуа Ию испугался, что Лэн Цзилинь увидит его зад. Хотя они и поклонились небу и земле, став супругами, показывать ему свою пятую точку было всё ещё неловко.

— Кто-нибудь!

— Я здесь, господин, — отозвался стражник.

— Вели кухне приготовить легкую еду и принести сюда.

— Слушаюсь. — Стражник поклонился и удалился.

— Я хочу куриную ножку, — выпалил Хуа Ию, не задумываясь.

— ... — Лэн Цзилинь проигнорировал его просьбу.

— Ван Е, скажи мне, я ведь не обижал Императрицу, и тем более не переходил дорогу Благородной супруге Ся. Тогда к чему была эта порка?

Он был не дурак и понимал: раз он ничем не прогневал этих двоих, значит, виноват сам Ван Е.

— Императрица хотела выдать за меня свою племянницу, — лицо Лэн Цзилиня оставалось бесстрастным, но про себя он отметил, что этот юный супруг вовсе не так глуп.

Хуа Ию не разбирался в дворцовых интригах, поэтому просто ответил:

— Так взял бы и женился, в чем проблема?

— ... — Лэн Цзилинь не хотел втягивать его в эти дела, поэтому промолчал.

Видя, что ответа не последовало, Хуа Ию не стал настаивать.

— А как насчет Благородной супруги Ся? У неё тоже есть племянница на выданье?

При этих словах лицо Лэн Цзилиня помрачнело. Он поднялся и молча вышел из комнаты.

— Поешь и отдохни, — бросил он на ходу, направляясь в кабинет.

— Янь Цзин!

— Я здесь, господин.

— Что удалось выяснить?

— Генерал Ся действительно тайно обсуждал с Его Величеством, как ослабить вашу власть над войсками.

— Хм...

Военная мощь была в его руках ради защиты простого народа, а в руках генерала Ся она стала бы лишь инструментом защиты одного лишь императора. Предки генерала Ся служили прежнему императору и совершили немало подвигов, но сам он, похоже, не прочитал ни одной книги по стратегии, лишь пользуясь былыми заслугами. Если власть над войсками перейдет к нему, то в мирное время это еще полбеда, но в случае беды он ввергнет народ в пучину страданий.

Император готов был пожертвовать судьбами людей ради того, чтобы убрать его. Лэн Цзилинь сжал кулаки и с такой силой ударил по столу, что тот разлетелся в щепки.

— Янь Цзин, продолжай слежку. Если будут перемены, немедленно докладывай.

— Есть. — Янь Цзин поклонился и вышел.

— Благородная супруга Ся, вы слишком долго занимали свое место, пора бы и честь знать, — тихо проговорил Лэн Цзилинь.

Вернувшись в главную спальню, он увидел, что Хуа Ию уже спит, всё так же выставив зад кверху. Лэн Цзилинь покачал головой и осторожно укрыл его одеялом. Если бы не он, Хуа Ию не получил бы этих ударов, и на душе у Лэн Цзилиня заскребла вина.

На следующее утро Хуа Ию проснулся рано. Сегодня нужно было ехать к отцу. Тот наверняка уже знает, что его избили во дворце, и места себе не находит от беспокойства. Хуа Ию очень хотел домой, но каждое движение отзывалось такой болью, что он лишь судорожно вдыхал

воздух. Однако он не хотел расстраивать отца, поэтому терпел. Одно лишь одевание стоило ему половины жизненных сил, от боли выступил холодный пот.

Лэн Цзилинь зашел проверить, проснулся ли он, и увидел, что тот уже оделся, но стоит неподвижно, а по лбу градом катится пот.

— Иди сюда, я отнесу тебя в карету.

Лэн Цзилинь проявлял к своему маленькому супругу особую заботу.

— Я сам могу, — упрямылся Хуа Ию, хотя на самом деле не мог сделать и шага. Но позволить Лэн Цзилиню нести себя к карете — это было слишком, ведь у ворот резиденции полно людей.

Лэн Цзилинь промолчал, подошел и подхватил его на руки, стараясь не задеть раны.

— А-а... Поставь меня, нехорошо, если кто увидит!

— ... — Лэн Цзилинь проигнорировал его и вышел из спальни.

— Я правда могу идти сам, — краснея, прошептал Хуа Ию.

Лэн Цзилинь почувствовал, как тот ерзает, и, боясь причинить боль, чуть опустил руки. Хуа Ию испугался, что упадет, и крепко обнял Лэн Цзилиня за шею.

— Вот так, будь послушным, — сказал Лэн Цзилинь, усадил его в карету и приказал ехать в поместье Шаншу.

Министр Хуа с момента известия об избиении сына места себе не находил. Он не мог сам явиться в княжескую резиденцию, поэтому с самого утра ждал у ворот, когда наконец увидел знакомую карету. Как только она остановилась, Лэн Цзилинь вынес Хуа Ию на руках. Министр Хуа тут же бросился к ним.

— Ию... как ты? Болит? Сильно ранили? Дай отцу посмотреть! — Министр был вне себя от беспокойства.

У него было двое детей, и Хуа Ию, старший сын от первой жены, был для него сокровищем, которое он берег пуще глаза. После смерти матери Хуа Ию рос в любви, а теперь, когда его выдали замуж за мужчину, отец и так страдал, а тут еще и это избиение. Сердце старика разрывалось, словно от ножа.

— Я в порядке, отец, — Хуа Ию попытался спуститься на землю.

— Не двигайся, — Лэн Цзилинь крепче прижал его к себе.

— Проходите, проходите скорее в дом, — засуетился министр.

Лэн Цзилинь пронес Хуа Ию в гостиную. Там уже сидели родственники, пришедшие поглазеть. Многие из них хотели посмеяться: в истории страны еще не было случаев, чтобы мужчина выходил замуж. В столице, конечно, держали фаворитов, но это всегда делалось тайком, а не с таким размахом. Увидев, как Ван Е входит в зал с Хуа Ию на руках, все встали и почтительно поклонились.

Лэн Цзилинь не обратил на них внимания, аккуратно усадил Хуа Ию в кресло и сел рядом.

— Отпусти меня, — прошептал Хуа Ию ему на ухо.

Лэн Цзилинь не ответил, лишь слегка сжал его ногу, призывая к спокойствию.

— Не дергайся.

— Тут же полно людей, — покраснел Хуа Ию.

— Ты мой супруг, что здесь такого? — невозмутимо ответил Лэн Цзилинь.

— Но...

— Если не хочешь, чтобы раны разошлись, сиди смирно у меня на коленях.

Министр Хуа, услышав их разговор, почувствовал, как неприязнь к Ван Е начала улетучиваться. Если он так заботится о сыне, то какая разница, что они оба мужчины? Главное, что сыну хорошо.

В комнате воцарилась тишина.

— Кхм-кхм, — откашлялся министр Хуа. — Ван Е, вы, должно быть, еще не завтракали? Может, поедите у нас?

— Хорошо.

Министр приказал слугам подать завтрак. Хуа Ию кусок в горло не лез: все присутствующие то и дело поглядывали на них, а Лэн Цзилинь ложка за ложкой кормил его кашей. Хуа Ию было неловко — ранен-то был зад, а не руки, но он вынужден был признать, что только в таком положении ему было хоть немного легче.

После завтрака родственники разошлись, и министр Хуа наконец заговорил о личном:

— Ию, разве я не учил тебя не навлекать на себя беду? Почему ты не слушаешь? В этот раз тебя избили, а в следующий?

— Следующего раза не будет! — твердо сказал Лэн Цзилинь. Он и так чувствовал себя виноватым.

— Ох... Ван Е, вы не знаете, этот ребенок с детства вечно влипает в неприятности, — вздыхал министр.

Хуа Ию надул губы и бросил на Лэн Цзилия презрительный взгляд: если бы не он, его бы не тронули, а теперь еще и отец отчитывает.

— Ладно, раз уж он теперь с вами, Ван Е, мне будет спокойнее, — добавил министр, намекая, что ждет защиты для своего непутевого сына.

— Раз он стал моим супругом, защищать его — мой долг, — ответил Лэн Цзилинь.

— Да, да, конечно! — закивал министр.

Тут Хуа Ию почувствовал, что раны снова начинают ныть, и даже на коленях Лэн Цзилия стало тяжело сидеть.

— В резиденции еще много дел, нам пора возвращаться, — поторопил он.

Лэн Цзилинь заметил, что тот начал ерзать, и согласился:

— Да, время позднее, пора в путь.

Министр не стал их задерживать. Лэн Цзилинь снова взял Хуа Ию на руки и усадил в карету. Всю дорогу он не отпускал его. Хуа Ию, смущенно кашлянув, пробормотал:

— Спасибо тебе за сегодня, Ван Е.

— Тебя избили из-за меня, не стоит благодарности.

— Ну и хорошо, — Хуа Ию покраснел, осознав, что зря надеялся на нечто большее.

Вернувшись в резиденцию, Лэн Цзилинь уложил его в постель, позвал лекаря, и вскоре Хуа Ию уснул. Лэн Цзилинь, убедившись, что он спит, закрыл дверь и направился в кабинет изучать военные трактаты.

<http://bllate.org/book/18640/1795093>